

женіе побѣждающаго русскаго солдата, нежели потерпѣвшаго пораженіе.

Невѣрно и то, что современныя картинныя галереи непонятны рабочему народу, поскольку онъ не развратился. Многія произведенія великихъ старыхъ мастеровъ понятны каждому, равно какъ картины Шишкина или Рѣпина, Израеля или Левбаха.

Помимо причинъ, указанныхъ Толстымъ, нелѣное и уродливое въ современномъ искусствѣ должно быть объяснено возрастаніемъ числа слабонервныхъ людей. Человѣкъ съ большими нервами видитъ и слышитъ не такъ, какъ здоровый. Если онъ имѣетъ большое или хотя бы малое дарованіе, то, какому бы роду искусства ни посвятилъ себя, его слова, звуки, краски дадутъ намъ совсѣмъ инныя сочетанія, чѣмъ то, что создается людьми здоровыми. Встрѣтивъ такое произведеніе, человѣкъ здоровый найдетъ, что ландшафтъ написанъ или окрашенъ неправильно, мелодія — уродлива, стихъ — неуклюжъ и неблагозвученъ. Но безчисленные художники этого разбора находятъ множество зрителей, слушателей, читателей, столь же слабонервныхъ, какъ они, и встрѣчаютъ въ этой средѣ горячее сочувствіе. Кадры любителей такихъ произведеній искусства состояются изъ людей съ большими нервами. Къ нимъ пристаеетъ немало и здоровыхъ людей изъ высшаго и средняго классовъ: эти здоровые, видя новое, спѣшатъ узнать его и торопятся хвалить, чтобы не отстать отъ моды. Біографіи нѣкоторыхъ художниковъ новаго времени объясняютъ ненормальности въ ихъ произведеніяхъ: кто знакомъ съ жизнью Бодлэра, Верлэна, тотъ пойметъ, что въ ихъ стихахъ нельзя искать той ясности и простоты, какія мы находимъ у Гёте или Пушкина.

Но если намъ, людямъ со здоровыми нервами, непонятны, а главное, непріятны многочисленные представители новѣйшаго искусства, то еще нѣтъ основанія заключать, что въ такой же мѣрѣ простымъ трудовымъ людямъ непонятны и неинтересны художники, которыми увлекались поколѣнія, воспитанныя въ первой половинѣ 19 вѣка: исходя изъ предположенія, что люди простого труда обладаютъ, большею частью, здоровыми нервами, мы должны заключить, что имъ доступно и пріятно многое, быть можетъ, большая часть въ произведеніяхъ Гёте, Пушкина, Бетховена, Моцарта... Замѣчу при этомъ, что отнюдь нельзя раздѣлить взглядъ Толстого, будто великія произведенія искусства доступны всѣмъ: лучшее въ Шекспирѣ и Шиллерѣ понятно только людямъ,